Олеша Попович и сестра братьев Долгополых

А во стольнём во городе во Киеве
Вот у ласкова князя да у Владимера
Тут и было пированьё-столованьё,
Тут про руських могуцих про богатырей,
Вот про думных-то бояр да толстобрюхиих,
Вот про дальних-то купцей гостей торговыих,
Да про злых-де полениць да преудалыих,
Да про всех-де хресьян да православныих,
Да про чесных-де жон да про купеческих.
Кабы день-от у нас идёт ныньце ко вецеру,
Кабы солнышко катитсе ко западу,
А столы-те стоят у нас полустолом,
Да и пир-от идёт у нас полупиром.
Кабы вси ле на пиру да напивалисе,
Кабы вси-то на чесном да пьяны-веселы,
Да и вси ле на пиру нынь приросхавастались,
Кабы вси-то-де тут да прирозляпались:
Как иной-от-де хвастат своей силою,
А иной-от-де хвастат своей сметкою,
А иной-от-де хвастат золотой казной,
А иной-от-де хвастат чистым серебром,
А иной-от-де хвастат скатным жемцюгом,
А иной-от-де домом, высоким теремом,
А иной-от-де хвастат нынь добрым конём,
Уж как умной-от хвастат старой матерью,
Кабы глупой-от хвастат молодой жоной.
Кабы князь-от стал по полу похаживать,
Кабы с ножки на ножку переступыват,
А сапог о сапог сам поколачиват,
А гвоздёк о гвоздёк да сам пощалкиват,
А белыми-ти руками да сам розмахиват,
А злачными-ти перснеми да принабрякиват,
А буйной головой да сам прикачиват,
А жолтыми-ти кудрями да принатряхиват,
А ясными-ти оцями да прирозглядыват,

Тихо-смирную рець сам выговариват.
Кабы вси ту-де тут нонь приумолкнули,
Кабы вси ту-де тут нонь приудрогнули.
«Ох вы ой есь, два брата родимыя,
Вы Лука-де, Матвей, дети Петровичи!
Уж вы што сидите, будто не веселы?
Повеся вы держите да буйны головы,
Потопя вы дёржите да очи ясные,
Потопя вы держите да в мать сыру землю.
Разве пир-от ле для вас да все нечесен был,
Да поднощычки для вас были не вежливы,
А не вежливы были, да не ёчесливы?
Уж как винны-то стоканы да не доходили,
Але пивнм-то цяры да не доносили?
Золота ле казна у вас потратилась?
Але добры-ти кони да приуежжены?»
Говорят два брата, два родимыи:
«Ох ты ой еси, солнышко Владимер-князь!
Уж пир-от для нас, право, чесен был,
А поднощычки для нас да были вежливы,
Уж как вежливы были и очесливы,
Кабы винны стоканы да нам доносили,
Кабы пивныя-ти цяры да к нам доходили,
Золотая казна у нас да не потратилась,
Как и добрых нам коней не заездити,
Как скачен нам жемцюг да всё не выслуга,
Кабы чистоё серебро — не пóхвальба,
Кабы есть у нас дума в ретивом серце:
Кабы есть у нас сестра да все родимая,
Кабы та же Анастáсья да дочь Петровична,
А не хто про ей не знат, право, не ведает —
За семима-те стенами да городовыми,
За семима-ти дверьми да за жолезныма,
За семима-те замками да за немецькима».
А уцюло тут ведь ухо да богатырьскоё,
А завидяло око да молодецькоё,
Тут ставаёт удалой да доброй молодец
Из того же из угла да из передняго,
Из того же порядку да богатырьскаго,

Из-за того же из-за стола середняго,
Как со той же со лавки, да с дубовой доски,
Молодые Алёшенька Поповиць млад.
Он выходит на се́реду кирпищат пол,
Становилсе ко князю да ко Владимеру:
«Ох ты ой еси, солнышко Владимер-князь!
Ты позволь-ко, позволь мне слово вымолвить,
Не позволишь ле за слово ты сказнить меня,
Ты сказнить-засудить, да голову сложить,
Голову-де сложить, да ты под мець склонить».
Говорит-то-де тут ныньце Владимер-князь:
«Говори ты, Олёша, да не упадывай,
Не единого ты слова да не уранивай».
Говорит тут Олёшинька Поповиць млад:
«Ох вы ой есь, два брата, два родимыи,
Вы, Лука-де, Матвей, дети Петровици!
Уж я знаю про ваши сестру родимую —
А видал я, видал, да на руки сыпал,
На руки я сыпал, уста челóивал!»
Говорят-то два брата, два родимыи:
«Не пустым ле ты Олёша да похваляишьсе?»
Говорит тут Олёшинька Поповиць млад:
«Ох вы ой еси, два брата, два родимыя!
Вы бежите-ко нынь да вон на улицу,
Вы бежите-тко скоре да ко свою двору,
Ко свою вы двору, к высоку терему,
Закатайте вы ком да снегу белого,
Уж вы бросьте-тко-сь в окошечко косявчато,
Припадите вы ухом да ко окошечку —
Уж как чё ваша сестра тут говорить станёт».
А на то-де робята не ётслушались,
Побежали они да вон на улицу,
Прибежали они ко свою двору,
Закатали они ком да снегу белого,
Они бросили Настасье да во окошецько,
Как припали они ухом да ко окошецьку,
Говорит тут Настасья да доць Петровицьна:
«Ох ты ой еси, Олёшинька Поповиць млад!
Уж ты што рано идёшь да с весела пиру?

Разве пир-от ле для те, право, не чесен был?
Разве поднощычки тебе были не вежливы?
А не вежливы были да не очесливы?»
Кабы тут-де робятам за беду стало,
За великую досаду показалосе,
А хоцют они вести ей во чисто полё.
Кабы тут-де Олёшиньке за беду стало,
За великую досаду показалосе.
«Ох ты ой еси, солнышко Владимер-князь!
Ты позволь мне, позволь сходить посвататьсе,
Ты позволь мне позвать да стара казака,
Ты позволь мне — Добрынюшку Никитиця,
А робята-ти ведь роду-ту ведь вольнёго,
Уж как вольнёго роду-ту, смирённого».
Уж позволил им солнышко Владимер-князь,
Побежали тут робята скоро-на́скоро,
Они чесным порядком да стали свататьсе.
Подошли тут и руськи да три богатыря,
А заходят во гриню да во столовую,
Они Богу-ту молятсе по-ючёному,
Они крест-от кладут да по-писанному,
Как молитву говорят полну Исусову,
Кабы кланяютсе да на вси стороны,
А Луки да Матвею на особицу:
«Мы пришли нынь, робята, к вам посвататьсе,
Кабы с чесным порядком, с весела пиру,
А не можно ле как да дело сделати?
А не можно ле отдать сестра родимая?»
Говорит тут стар казак Илья Муромець:
«Не про нас была пословиця положена,
А и нам, молодцам, да пригодиласе:
Кабы в первой вины да, бывat, Бог простит,
А в другой-то вины да можно вам простить,
А третья-то вина не надлежит ищэ».
Подавал тут ведь цяру зелена вина,
Не великую, не малу — полтора ведра,
Да припалнивал меду тут да сладкого,
На закуску калач да бел-крупищатой;
Подавают они цярю да обема́ рукми,

Поблишешинько они к има́ да придвигаются,
Понижешенько они им да покланяютсе,
А берут-то-де цяру единой рукой,
А как пьют-ту-де цяру к едину духу,
Кабы сами они за цярой да выговаривают:
«А оммыло-де нашо да ретиво серцё,
Звеселило у нас да буйну голову».
Веселым-де пирком, да они свадебкой
Как повыдали сестру свою родимую
За того же Олёшиньку Поповиця.

(Зап. Ончуковым Н. Е.: апр. 1902 г., д. Чуркина (на р. Пижме) Усть-Цилемской вол. — от Чуркиной Федосьи Емельяновны, 55 лет (уроженки д. Аврамовской на р. Пижме).)

Печорские былины / Зап. Н. Е. Ончуков. СПб., 1904.